

5. Лотман Ю.М. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении // Византия и Русь: Сб. статей / Ред. Г.К. Вагнер. – М.: Наука, 1989. – С. 227-236.
6. Макогоненко Г.П. Письма русских писателей XVIII в. и литературный процесс // Письма русских писателей XVIII века. Сборник. – Л.: Наука, 1980. – С. 3-41.
7. Орлов П.А. История русской литературы XVIII века. – М.: Высшая школа, 1991. – 320 с.
8. Сатирические журналы Н.И. Новикова / Ред. П.Н. Беркова. – М.-Л.: АН СССР, 1951. – 616 с.

УДК 7.032:82-194

И. Соловцова

ЗНАКИ АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОЭЗИИ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА (ЦИКЛ "ГЕСПЕРИДЫ"). К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Автор статті досліджує проблему функціонального значення знаків античної культури у поезії В.Іванова (цикл «Гесперіди»). Вказано основні міфологічні та реальні історичні постаті, імена яких письменник згадує у своїх творах з метою повніше розкрити основну тему своєї творчої діяльності – тему поета і поезії.

The author of the article investigates the problem of the functional significance of the antique culture symbols in V.Ivanov's poetry (the cycle "Hesperides"). The main mythological and real historic figures whose names are used by the writer in his works in order to reveal the main theme of his creative activity – the theme of poet and poetry – are pointed out.

Исследователи творчества Вячеслава Иванова не могли обойти вниманием такую отличительную черту поэзии этого "ученого" поэта, как "ее общее эллинофильство" [3, 6], "стилистическую пронизанность славяно-эллиническим духом всех пор ивановской поэзии, ивановского слова" [3, 39]. Однако высказывания о характере обращения поэта к античному наследию отличаются определенной разнородностью. А. Блоком в статье о двух первых книгах собрата-символиста ("Кормчие звезды" и "Прозрачность"), утверждается, что поэтические строки Вячеслава Иванова читающей публикой восприняты как явление аналогичное поэзии древнего "александризма" [4, 5]. Самому автору статьи поэт В. И. Иванов, который "пробует голоса забытых размеров" Алкея и Сапфо, представляется "снова ... бродящим по священной Элладе" [4, 16]. Недостаточно обоснованной кажется точка зрения Н. Гумилева по поводу того, что Вячеслав Иванов в античной Греции "только иностранец, для которого необязательны законы страны" [5, 383]. Высказывание М. Бахтина о том, что образы-символы этого поэта "взяты не из жизни, а из контекста отошедших культур, преимущественно из античного мира...", представляет собой уже своеобразную постановку проблемы для исследователей системы символов наследия В. И. Иванова о функциональном значении в ней знаков античности [5, 376]. Современные исследователи творчества Вячеслава Иванова (вторая половина XX века) особо подчеркивают "первичность и первожданность" в его поэзии образа античной классики [1, 157]. Утверждение А. Пайман, что основной интерес в подходе к античному миру для поэта в первую очередь представляли "форма и вечная истина" его поэзии, а не психология автора и героев, способствует выявлению определенных доминант в исследовании специфики обращения Вячеславом Ивановым к культурному наследию, в частности к античности [9, 303].

Разнохарактерность точек зрения исследователей на природу обращения В. И. Иванова к историко-культурному наследию античности объясняется тем, что в литературоведении функции знаков античной культуры в поэтическом творчестве Вячеслава Иванова не являются еще достаточно изученными. Задачей данной статьи является выявление значения заимствований из античного наследия в поэзии В. И. Иванова.

Исходя из утверждения С. Аверинцева, что ключевым образом уникальной замкнутой системы символов Вячеслава Иванова является образ "истока" [1, 171], позволим обратиться к исследованию поставленной в статье проблемы с рассмотрения того, каким образом соотносятся в художественном сознании поэта ключевой в его системе символов образ "истока" и античное наследие. Во-первых, сам образ "истока", по утверждению исследователей, в системе Вячеслава Иванова – это "место, где все уже дано изначально и откуда оно потом "вытекает", волнами распространяясь и разливаясь, но не изменяя своей субстанции. Поток бежит вперед именно потому, что его исток остается на своем месте; прошлое не сменено настоящим, но обосновывает его" [1, 171]. Отсюда у этого поэта берет начало "очень живое ... ощущение единства всей человеческой культуры" [1, 157]. Таким образом, в личной биографии для Вячеслава Иванова "истоком", согласно С. С. Аверинцеву, является детство, "младенчество", образ вечного неизменного Рая. Своеобразный "исток" в его поэтической биографии – первый сборник поэта "Кормчие звезды". В плане метафизическом, "истоком" творчества Вячеслава Иванова является платоновская "идея" [2, 174-175]. "Колыбель" и "исток", микрокосм всей мировой культуры для такого поэта закономерно представляло собою эллинизм [3, 39], "единая на долгие века средиземная культура" [6, 66]. В свою очередь эллинизм, в представлении Вячеслава Иванова, также не возникло на пустом месте: по утверждению поэта, эта культура выросла "из переогня нескольких древнейших культур" [6, 66].

Таким образом, понимание культуры для самого Вячеслава Иванова представляет собой творчество исключительно преемственное [6, 65]. Вячеслав Иванов, по утверждению А. Блока, в поэзии "всегда отражал прошедшее, как грядущее, воспоминание, как обетование" [4, 10]. Особый путь поиска этим поэтом ориентиров для человека современного и будущего мира охарактеризован А. Пайман следующим образом: "Иванов пытался пробудить память, апеллируя к наследию ... древних наций – греков, римлян, египтян, иудеев" [9, 180].

Краеугольным камнем творчества В. И. Иванова, таким образом, является "вера в культуру как "воскрешение мертвых", в реальность своего соединения с прошлым, с "отцами" [2, 178]. По убеждению самого поэта, обращение к исторической памяти, к искусству прошлого является острой необходимостью для "оживления в них всего, что имеет значение объективное и вневременное" [6, 129]. И путь к искусству прошлого для оживления вечного, "путь к простоте вожденной и достолюбезной", добывается, по представлению Вячеслава Иванова, не "выходом из данной среды или страны...но восхождением", так как устремленная ввысь " ...лестница Иакова, – в каждом центре любого горизонта" и является единственным путем к достижению вожденного "замкнутая кольца вечности" [6, 134]. Таким образом, в системе символов поэта путь к "истокам" представляет собой прежде всего "вертикаль подъема и противостоит горизонтали уводящего пути" [2, 178]. Все это приводит исследователей творчества поэта к утверждению, что в поэзии Вячеслава Иванова динамичная гегелевская триада с тезисом, антитезисом и чем-то вроде синтеза представляет собой следующую цепочку образов-символов: "исток" – "возврат" – "затвор" [2, 174]. Приступая к исследованию особенностей обращения поэта к античному наследию как к одному из "истоков" мировой культуры, следует принять во внимание и указанную триаду, и обоснованную литературоведами особенность подобного "продвижения" в прошлое – через грани времени и пространства по вертикальной "траектории".

Первая книга Вячеслава Иванова "Кормчие звезды" состоит из тринадцати поэтических циклов и пяти самостоятельных стихотворений. Анализ названий циклов и стихотворений первой книги поэта позволяет установить, что заглавия только четырех из циклов (30 %) и одного из пяти стихотворений, не вошедших ни в один из циклов, ассоциируются с античностью ("Дионису", "Геспериды", "Ореады", "Дистихи", "Сфинкс"). Значимым является тот факт, что четыре из этих названий представляют собой наименование персонажей древнегреческой мифологии. Название цикла "Дистихи" указывает на формальную сторону организации стихотворной строфы: дистих

является минимальной строфой в античной поэзии, одним из первых дистихов зародился в Ионии VI века до н. э. (элегический дистих).

Образ Диониса – центральный мифологический образ в творчестве Вячеслава Иванова. Этот образ, по единогласному утверждению исследователей творчества В. И. Иванова, является "главным героем ивановской мифологии" [3, 14]. Рассмотреть значение в художественном сознании поэта образа этого умирающего и оживающего божества, имеющего несколько ипостасей даже в древнегреческой мифологии, в рамках данной статьи не представляется возможным. Обратимся к рассмотрению названия стихотворения и трех из циклов.

Миксантропическое существо Сфинкс представляет собой неразгаданную тайну бытия: неудачные попытки дать ответ на его загадку стоили отважившимся смельчакам жизни. Отправляющийся к "истокам" культуры в поисках ответа на вечные вопросы бытия Вячеслав Иванов проводил, по-видимому, параллель между собственной встречей с "прошлым" культуры, искусства и встречей мифологических героев со Сфинксом в окрестностях Фив.

Ореадами в греческой мифологии называются горные нимфы. Нимфы олицетворяют собой божества природы, ее живительные и плодоносные силы. Они, как указывает А. Тахо-Годи, являются обладательницами древней мудрости, тайн жизни и смерти, врачуют и исцеляют, предсказывают будущее [8, 391-392]. По античным лексикографам, слово "нимфа" означает "источник" [8, 391]. Так как в системе символов Вячеслава Иванова понятие "исток" ключевое, а движение к истоку представляется только по вертикали, то горные нимфы, по-видимому, являются олицетворением мудрости прошлого: способные предсказать будущее, они помогают из прошлого устремиться по вертикали, не отклоняясь от истоков, к вершинам гор, к сиянию кормчих звезд, к вечным истинам.

Заглавие цикла "Геспериды" гораздо более емкое, чем предыдущие: оно содержит в себе и указание персонажа, и предметные, и пространственно-временные реалии античного мира. Геспериды в древнегреческой мифологии являлись хранительницами золотых яблок, яблок вечной молодости в саду, что расположен на краю мира, на крайнем западе. Таким образом, эти девы обитают на грани мира, на грани заката солнца, т.е. места, где завершается день и начинается ночь, где гаснет свет дневного светила. Они являются хранительницами яблок вечной молодости, которые могут даровать кому-нибудь новую жизнь (грань жизни и смерти). Сама этимология их имен перекликается с любимыми символами В. И. Иванова – "сияние", "вечерний свет", "пурпурное море" (Эрифия – "красная"; Эгла – "сияние"; Геспера – "вечернее") [8, 152]. Образы "границ", "межи", как и "прорыва", преодоления граней и пространства занимают весьма существенное место в системе символов Вячеслава Иванова. Обращение к образам дочерей Атланта, обитающих на краю мира и хранящих яблоки – свадебный подарок матери-Геи Гере (своеобразный символ перехода от эры титанов к эре олимпийцев), – существенно углубляет и обогащает систему символов поэта.

Обзор названий более ста шестидесяти стихотворений, вошедших в состав циклов книги Вячеслава Иванова "Кормчие звезды", в свою очередь приводит к выводу, что названия только около двух десятков произведений ($\approx 13\%$) имеют отношение к знакам культуры Древней Греции и Рима. Семь из этих стихотворений входит в состав цикла "Геспериды". Именно поэтому в центре данного исследования и оказался этот цикл из книги "Кормчие звезды".

По авторитетному замечанию С. Аверинцева, на пространстве одного поэтического цикла, одного поэтического сборника Вячеслава Иванова, невозможно выявить во всей полноте замкнутую систему символов поэта [2, 171]. Однако этот же исследователь в то же время утверждает, что уже в первом поэтическом сборнике творца "в свернутом предварительном виде "все уже есть", т. е. в нем и его составляющих (циклах) уже заложены основы особой системы символов этого поэта в сконцентрированном виде [2, 175]. Подобная упорядоченность символического "универсума" Вячеслава Иванова, по наблюдениям литературоведов, неуклонно нарастала и наращивалась с начала творчества поэта и до

самого его финала [2, 186]. Все это позволяет утверждать существование возможности проиллюстрировать при обращении к поэтическим произведениям одного из циклов из первой книги поэта скрытую стереоскопичность смысла образов, позаимствованных из античного наследия.

В поэтический цикл "Геспериды" Вячеславом Ивановым вводится около пятидесяти имен героев мифов (около двух десятков из них – имена богов, по преимуществу древнегреческих) и культурно-исторических деятелей античности. Более четверти из них (свыше десяти имен) являются именами либо реальных, впоследствии ставших полупоэтическими представителями античной литературы (Терпандр, Сафо; Геродот, Дион Кассий; Цицерон, Овидий), либо именами поэтов из древнегреческих мифов (Аполлон (князь Муз, муз владыка), Орфей, Марсий). Кроме того, количество подобных образов увеличивается, благодаря введению поэтом в цикл таких перифраз, как "полны таинственной свирелью Молчаливые леса" (образ Пана), "Фиванский зодчий" (мифологический образ Амфиона, приводящего в движение камни и заставляющего их занять установленное место силой игры на лире), "лесбийский гость" (Терпандр), "лесбиянки-девы" (ученицы музыкально-поэтической школы Сафо). Еще около десятка мифологических образов, введенных поэтом в этот поэтический цикл, прямо или косвенно связаны с даром провидения и провозглашения пророчеств, с культово-обрядовой поэзией, театром, искусством античного мира (Музы, оры, хариты (спутницы Аполлона), Пиериды, менады, Мельпомена, Парки, пифия (или дева Феба), кастальские девы, Сивилла, пение Сирены).

В свою очередь обращение поэта к именам реальных деятелей античной истории в цикле "Геспериды" напротив является совершенно незначительным – их три: Цицерон, Цезарь (имена вводятся исключительно для указания авторов эпиграфов) и Камилл (согласно примечанию самого автора, его образ трактуется в соответствии с версией о судьбе этого военного трибуна Рима, изложенной Плутархом в "Параллельных жизнеописаниях"). Из этих трех представителей исключительно римской античности только Камилл не оставил после себя ни единой строчки. В то же время отсылка к трудам Плутарха подчеркивает, что имя военного трибуна сохранилось в памяти потомков не только благодаря его чрезвычайным заслугам перед Римом, но и благодаря автору "Параллельных жизнеописаний", запечатлевшего пером на века в памяти потомков образ и деяния Камилла.

Мифологический образ Анхисиада (Энея), введенный в стихотворение "Кумы", представляет собой своеобразное связующее звено между величием малоазийской Трои (племянник Приама), богами Олимпа (сын Афродиты) и могуществом Римской империи (один из ее основателей), между миром живых и мертвых, между небытием Римской державы и предсказанием ее будущего владычества над миром (спуск в Орк за порицанием), мифами и легендами, героическим эпосом Древней Эллады (Гомер "Илиада") и Рима (Вергилий "Энеида").

Подведем предварительные итоги. Анализ антропонимов, заимствованных из античной мифологии, истории и культуры, показывает, что одной из ведущих тем творчества Вячеслава Иванова является тема поэта и поэзии: почти половина имен героев античных мифов, полупоэтических и реальных деятелей греко-римской истории и культуры в цикле "Геспериды" связана с искусством и поэтическим творчеством. Все это убеждает, что сам поэт не представлял возможным обратиться к столь важной для него теме без привлечения образов и реалий античной культуры. К тому же интересен и тот факт, что сам автор, обращаясь к античному наследию, отдавал явное предпочтение древнегреческой мифологии и поэзии (Древняя Греция была тем своеобразным "исток", фундаментом, на котором возведена была вторичная культура Рима).

Литература:

1. Аверинцев С.С. Поэзия Вячеслава Иванова // Вопросы литературы. – 1975. – № 8. – С. 145-192.

2. Аверинцев С.С. Системность символов в поэзии Вячеслава Иванова. – В кн.: Аверинцев С.С. Поэты. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1996. – С. 165-187.
3. Барзах А.Е. Материя смысла // Иванов В.И. Стихотворения. Поэмы. Трагедия/ Вступ. ст. А.Е. Барзаха, сост., подгот. текста и примечания Р.Е. Помирченко. – СПб.: Академический проект, 1995. – С. 5-60.
4. Блок А.А. Творчество Вячеслава Иванова. // Блок А.А. Собрание сочинений: В 6 тт. – Т. 5. – М.: Правда, 1971. – 558 с.
5. Гарин И.И. Серебряный век: В 3 тт. – Т. 1. – М.: ТЕРРА, 1999. – 720 с.
6. Иванов В.И. Родное и вселенское / Сост., вступ. ст. и прим. В.М. Толмачева. – М.: Республика, 1994. – 428 с.
7. Иванов В.И. Собрание сочинений: В 4-х тт. – Т. 1. – Брюссель, 1971. – 872 с.
8. Мифологический словарь / Под ред. Е.М. Мелетинского. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 672 с.
9. Пайман А. История русского символизма / Авторизованный пер. с англ. В.В. Исакович. – М.: Республика, 1998. – 415 с.

УДК 372.48:17.022

Т. Томилина

ДИНАМИКА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ФОРМ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА (контраст эпох в восприятии современников)

У статті розглянуто основні форми прояву різниці між поколіннями першої третини XIX ст. на основі аналізу змін у ціннісній системі та формах поведінки військових з точки зору сучасників. Висвітлено основні причини виникнення розбіжностей у жіночому та чоловічому сприйнятті фактів суспільно-етичної дійсності.

In the article the main forms of revealing the difference between the generations of the first third of the XIX century are examined on the basis of analysis of the changes in the system of values and the forms of conduct of the servicemen from the point of view of the contemporaries. The main reasons of the appearance of the contradictions in the female and male perception of the facts of the social-ethical reality are reported.

Эпоха наполеоновских войн довольно скоро стала восприниматься в России как эпоха исключительная по своему содержанию, не имеющая параллелей к событиям современности. Такая оценка складывается к 30-м годам XIX века, когда уже четко осознается контраст между "веком нынешним" и "веком минувшим". Достаточно вспомнить пушкинскую "Метель" (1830) с ее восторженным "Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове Отечество!" [9, 77], "Современную песню" (1836) Д. Давыдова или лермонтовское "Бородино" (1837).

Разницу между эпохой Александра I и эпохой Николая I ощущали даже те, кто вступил в последекабристскую пору очень юными людьми. Например, деятель славянофильства, историк, публицист и критик Ю. Самарин отмечал: "Прошлое царствование началось с того, что в один морозный день, на Дворцовой площади, облетел лучший цвет целого поколения" [10, 12]. А. Герцен в "Былом и думах" констатировал "быстрое нравственное падение" общества во второй половине 20-х гг. [3, 79], а сын П. Вяземского, Павел Петрович, характеризуя манеру поведения Пушкина, подметил следующее: "Для нашего поколения, воспитывающегося в царствование Николая Павловича, выходки Пушкина уже казались дикими. Пушкин и его друзья, воспитывавшиеся во время наполеоновских войн, под влиянием героического разгула той эпохи, щеголяли воинским удалством и каким-то презрением к требованиям гражданского строя... Пушкин как будто дорожил последними отголосками беззаветного удалства, видя в них проявление заживо сохраненной самобытной жизни" [2, 215].